

УДК 81'38
ББК 81.2Р
М-21

Мальцева Раиса Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры электронных СМИ и новых медиа Кубанского государственного университета», т.: 8(961)5060755.

МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ИНВОЛЮЦИЯ ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ СТИЛИСТИКИ?

(рецензирована)

В статье обращается внимание на особенности современной языковой ситуации, проблемы стиля СМК, частотность употребления сниженных и жаргонно-просторечных единиц. Массовая коммуникация в настоящее время негативно воздействует на культуру речи общества.

***Ключевые слова:** массовая коммуникация, жаргон, субстандарт, аксиологическая шкала дискурса масс-медиа, культура речи.*

Maltseva Raisa Ivanovna, Doctor of Philosophy, professor of the Department of Electronic Media and New Media of Kuban State University, tel.: 8 (961) 5060755.

MASS COMMUNICATION: INVOLUTION OR REVOLUTION OF STYLISTICS?

(reviewed)

The article draws attention to the peculiarities of the contemporary language situation, problems of mass media style, frequency of use of forums and colloquial slang- units. Mass communication now has a negative impact on the culture of speech of the society.

***Keywords:** mass communication, jargon, substandard, axiological scale of media discourse, culture of speech.*

В данной работе внимание уделяется двум особенностям стилистики массовой коммуникации. Первая связана с тем, что письменная и устная речь коммуникаторов, характер дискурсивной стилистики выполняют роль социального индикатора, иначе говоря, непосредственно и опосредованно свидетельствуют об уровне культуры речи и общей культуре общества. Если телеведущая и популярная певица произносит *не пónяла* и фонетико-просодические особенности ее речи далеки от сценических, то эти речевые особенности выполняют функции социального идентификатора, или шибболета, на которые указывали многие исследователи социальной лингвистики [1, с. 233; 2, с. 147]. Кстати сказать, шибболетные свойства речи не такое редкое явление у наших «звезд», они часто проявляются у многих участников ток-шоу, к примеру, на канале НТВ, если приглашенным приходится прибегать к спонтанным высказываниям.

Вторая особенность связана с эмоционально-культурным характером коммуникации, а именно, с инвективизацией в публичных выступлениях.

В русистике существует устоявшееся мнение, что массовая коммуникация, охватившая все сферы публичной социальной деятельности, изменяет качество литературной речи. Многие авторы все чаще говорят о кодификации просторечно-разговорного образца масс-медиа [3].

В СМК с начала коммерциализации полный публицистический стиль разрушился, не выдержав напора искусственной эпатажности и поливариативной вульгарности [4-7]. Фактор моды проявился в том, что литературный речевой регистр пополнился некодифицированными единицами просторечно-диалектного и жаргонного происхождения. Свыше полутора тысяч лексем, ранее принадлежавших воровскому аргю, закрепились в публицистической речи, и их ненормативность уже не ощущается говорящими (*стрелка, разборка, очистить политическую поляну*).

Современная языковая ситуация по степени варваризации медийного языка отчасти напоминает экстралингвистическую ситуацию двадцатых-тридцатых годов прошлого века, когда новый язык советских газет, оказавшийся языком «третьей» культуры, творили рабкоры и селькоры – носители диалектных и просторечных форм речи [8].

Редкие случаи качественной журналистики забываются таблоидностью и бульварностью. Трэш-журналистика [9] отвергает корректность и уважение к человеку, в современных медийных

мирах, где царит фарс, осуществляется низведение лингвистики до уровня просторечия, совмещаемого с общежаргонными выражениями, разного рода инвективами, которые призваны создавать нужный эмоциональный эффект. Как говорят на телевидении, «Не переключайтесь – будет жарко!»

Языковой статус общественных практик – журналистской деятельности, различных публичных выступлений, Интернет-коммуникации – крайне низок. Г.Г. Хазагеров в этой связи высказался довольно резко: «Сегодня на правах публицистического койне в наших СМИ функционирует особый вариант воровского жаргона с добавлением тинейджерской лексики и фразеологии» [10].

Используемые коммуникаторами выразительно-оценочные средства аффективного характера нацелены на убеждение и воздействие, сарказм и иронию. На первый взгляд кажется, что все предпринимаемые пишущими усилия призваны придать текстам достоверность и объективность, в действительности же их намерения сводятся к повышению дискурсивной эмоциогенности, к стремлению вызвать у коммуникантов сильное эмоциональное напряжение [11, с. 40].

Журналист желает понравиться и запомниться публике – и способы интерпретации событий, аксиологическая и эмоциональная лексика и фразеология в его материале служат целям обличительного свойства. Такая тональность публицистической речи заведомо направлена на подчеркивание антагонизма читательского и, например, чиновничьего интересов, и часто провоцирует конфликтность [12].

Для русского человека характерно более эмоциональное общение, нежели рациональное. Так устроен наш язык, и в нем, по сравнению с другими мировыми языками, накоплено избыточное количество изобразительно-выразительных ресурсов. Это связано с особенностью русского характера и историей российской культуры. Об этом подробно писали Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров [12].

Бесспорно, словарь любого языка в большом количестве содержит аффективы и обцензизмы, коммуникативно необходимые говорящим в стрессовых ситуациях. Именно поэтому дискурсивные ситуации, сопровождаемые отрицательными эмоциями негодования или презрения характеризуются инвективизацией, другое дело, что бравирование обцензизмами в публичной речи не оправдано [13, с. 41-43]. Любой журналист знает коммуникативные и этические нормы общения, осведомлен о неуместности и опасности употребления диффамационных единиц, но в действительности намеренно использует грамматические и стилистические формы, которые уже соотносятся с морально-этическими и правовыми категориями [14].

Вот несколько характерных примеров неумышленных или умышленных оскорблений.

Газета «МК.Ру» от 5.06.2013 года публикует материал Натальи Малаховой «*Депутат Милонов не пустил бы Бибера в Москву*», в котором автор идет на нарушение коммуникативных норм с целью создания иронии. Изобразительность авторской речи опирается на метафору и едкий кеннинг. Напомним: кеннинг относится к разновидностям перифразы, заменяющей собственное имя описательным оборотом [15, с. 143]

... поэтому не совсем ясно, чем же он впал в немилость депутата Милонова. Может быть, царедворцу с фобией пропаганды гомосексуализма не понравилось женоподобное лицо певца, или же он, войдя во вкус, уже по инерции несется вперед, что называется – «размахивая шашкой» во все стороны, не разбираясь, кто и что на самом деле говорит и делает.

В газете «Известия» от 30 мая 2013 Виктор Топоров пишет в статье «*Пока не начался капремонт*»:

Или заспорите о скорбных вятских делах: а кого там, собственно, судят – главного всероссийского борца с коррупцией или, прямо наоборот, мелкого коррупционера? А что если подсудимый, как говорили у нас в первые годы реформ, и то и другое «в одном флаконе»? Но нет: один скажет, что главный борец с коррупцией у нас Путин, а другой – что дело «Кировлеса» высосано из пальца, – и ни одного из них с этой точки уже не сдвинешь: здесь я стою и не могу иначе! Но почему бы доморощенному Лютеру не договориться с доморощенным Савонаролой хотя бы о терминах – ведь оба, казалось бы, выступают против папизма? Ан нет, не договорятся.

В этом отрывке авторский дискурс, опирающийся на фоновые знания читателей, характеризуется явной уничижительностью, содержит перифрастические средства неприличной оценки лица (*главный всероссийский борец с коррупцией, папизм, доморощенный Лютер, доморощенный Савонарола*).

Как утверждает Е.Е. Топильская, занимающаяся вопросами лингвистической экспертизы речевых действий коммуникаторов, «современный газетно-публицистический текст может спровоцировать конфликт в случае, если СМИ стали каналом распространения сведений имеющих неприличную форму выражения мнений» [16].

В приведенных нами примерах использованы образные экспрессивные средства, которые имеют заведомо оскорбительный характер. По всей видимости, фамильярное обращение к политику или крупному чиновнику не является уголовно наказуемым [17], и в целях усиления иронического или саркастического эффекта, журналисты целенаправленно используют броские, задевающие самолюбие аллюзии, перифразы, прецедентные выражения и прочие изобразительно-выразительные средства речи.

Например, Максим Шевченко в заметке «*Досрочно, но своевременно*» (газета «Известия» от 5. 06.2013) мастерски оперирует какофемизмами:

А эпоха Лужкова вспоминается как какой-то на самом деле достаточно мрачный период господства каких-то жуков, гусениц и термитов, которые подгрызали и прожирали московскую жизнь и московское пространство.

Какофемизм также относится к тропам перифрастического ряда, но характеризуется особой грубостью и вульгарностью коннотаций.

В.Г. Костомаров писал в свое время: «газетчику, настроенному на поиск экспрессии, во что бы то ни стало непреодолимо хочется построить парадокс, игру слов» [18, 19].

Вот, что мы видим в рубрике «Культура» «МК.RU» от 8 апреля 2013 года: «*Разборка по-Большому: расправа в театре случилась из-за женщины*»

Здесь поиск экспрессии привел автора к использованию двусмысленности в скатологическом каламбуре заголовка, обыгрывании его в целях создания комического эффекта. Типичный пример антигуманной коммуникации.

Языковая игра в массовой или личной коммуникации – это легализация процесса демократизации языка, который приводит к коммуникативному равенству адресанта и адресата речи [20], однако трэш-стистика высказываний - проявление неуважения к коммуникантам.

К многочисленным образцам неуважения к читателю относятся случайно выбранные нами материалы, опубликованные в журнале «Русский репортер»: «Дорога бескайфовая» в №11 (189) от 24 марта – 30 марта 2011 г. и «Не мой дом, не моя крепость» в №21(299), 30 мая-июня, – использованные в работе со студентами.

В двух обширных текстах – помимо скатологизмов и эпатазирующих грубых экспрессивов – в большом количестве присутствуют другие единицы внелитературной речи: арготизмы, вульгаризмы, которые мы не рискуем повторить, инвективы в адрес чиновников разного ранга.

Л.В. Павлюк заметила, что языковые и коммуникативные концепты могут быть как научными лингвистическими сущностями, так и концептами обыденного языкового сознания. Непристойные слова, будучи концептами обыденного языкового сознания, уместны в чрезвычайных ситуациях интерперсонального общения, но не уместны в официальном общении - они ненормативны и оскорбительны. И любое неосторожное обращение с языком, особенно вербальная агрессия, наносят огромный психоэнергетический вред всем коммуникантам [21]. Языковой экстремизм в публичной коммуникации стимулирует рост речевой агрессии и способствует формированию остроконфликтной социальной среды.

А.А. Волков с полным основанием утверждает: языковая ситуация в нашем обществе такова, что сегмент просторечной и субстандартной коммуникации неумеренно расширился, в то время как количество носителей кодифицированного литературного языка стремительно уменьшилось [22; 4], исследователь же А.П. Романенко добавляет: на наших глазах сформировался новый стилистический регистр публичной речи – гибридный просторечно-литературный стандарт [23].

На причины подобной смены языковых регистров в периоды социальных потрясений указывал в 1991 году еще Н.И. Толстой [24].

Возросшее влияние корпоративной медиаполитики усилило воздействующую функцию СМК, с другой стороны, снижение уровня культуры речи в разных речевых жанрах говорит и о том, что сам социум и его ценностные ориентиры изменились: утрачено уважение к учебе и занятиям наукой, упал интерес к чтению, речь большинства соотечественников стала косноязычной и примитивной, смысл заменился обилием модальных частиц. Как говорится,

«инволюция языка идет в направлении, прямо противоположном его эволюции, – от полноценных слов к языку междометий и индексальных знаков» [25].

Литература:

1. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1990.
3. Акуленко Н.-Л. М. Роль культуры речи в современном российском обществе // Балканская русистика. Београд, 2008. С. 359.
4. Там же. С. 360.
5. Волков А.А. Курс русской риторики. М., 2001. С. 185-231.
6. Жельвис В.И. Грубость: проблемы классификации лексики // Вопросы психолингвистики. 2008. №7.
7. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971.
8. Толстой Н.И. Язык и культура (некоторые проблемы славянской этнолингвистики) // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. М., 1991. Ч. 1. С. 5-23.
9. Николаева А.В. Трэш-журналистика как новый стандарт публицистического текста // Средства массовой информации в современном мире: Петербургские чтения: тезисы межвуз. науч.-практич. конф. СПб., 2009. С. 157.
10. Хазагеров Г.Г. Декларативная риторика как вызов культуре // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Междунар. конгресс исследователей рус. яз. МГУ, 2007. С. 416.
11. Шаховский В.И. Какими словами «оплодотворяют» людей российские СМИ? // Русистика. 2007. Вып. 7.
12. Смирнова А.А. Диффамация как правонарушение и злоупотребление правом: конституционно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2008.
13. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1990.
14. Топильская Е.Е. Заключение лингвистической экспертизы. Воронеж, 3 сентября 2012 года [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.gendocs.ru/docs/146800/index-188.html> (дата обращения: 05.06.2013).
15. Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика: курс лекций и словарь риторических фигур. Ростов н/Д, 1994.
16. Топильская Е.Е. Журналистский текст: в зоне конфликта [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.gendocs.ru/docs/146800/index-188.html> (дата обращения: 04.05.2013).
17. Смирнова А.А. Диффамация как правонарушение и злоупотребление правом: конституционно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2008.
18. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971.
19. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. М., 1994.
20. Федосюк М.Ю. В каком направлении развивались стили русской речи XX века // Филология и журналистика в контексте культуры: материалы всерос. науч. конф. Вып. 4. Ростов н/Д, 1998.
21. Павлюк Л.В. Лингвистическое знание в обыденном сознании // Вопросы психолингвистики. 2008. №7. С. 36-39.
22. Волков А.А. Курс русской риторики. М., 2001. С. 185-231.
23. Романенко А. П. Современный языковой стандарт в аспекте истории литературного языка // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Междунар. конгресс исследователей рус. яз. МГУ, 2007. С. 415.
24. Толстой Н.И. Язык и культура ... С. 23.
25. Хазагеров Г.Г. Декларативная риторика ... С. 416.

References:

1. Polivanov E.D. *Articles on general linguistics*. M., 1968.
2. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. *Language and culture*. M., 1990.
3. Akulenko N.- L. M. *The role of speech culture in contemporary Russian society // The Balkan russistics*. Beograd, 2008. P. 360.
4. *The same*.

5. Volkov A.A. *Course of Russian rhetoric*. M., 2001. P. 185-231.
6. Zhelvis V.I. *Rudeness: problems of vocabulary classification // Questions of psycholinguistics*. M., 2008, № 7.
7. Kostomarov V.G. *Russian language in the newspaper strip*. M., 1971.
8. Tolstoy N.I. *Language and Culture (some problems of Slavic ethnolinguistics) // Russian language and modernity. Problems and prospects of Russian Studies*. P.I. M., 1991. P. 5-23.
9. Nikolaeva A.V. *Trash journalism as a new standard of a journalistic text // Media in the modern world: St. Petersburg readings: abstracts of Scientific-practical conf. SPtb.*, 2009. P. 157.
10. Khazagerov G.G. *Declarative rhetoric as a challenge to culture // Russian language: historical destiny and modernity. III International Congress of the Russian language researchers. MSU*, 2007. P. 416.
11. Shakhovskiy V.I. *What words do media "fertilize" the Russian people with ? // Russian Studies*. Kiev. Iss. 7, 2007.
12. Smirnova A. A. *Defamation as an offense and abuse of rights: Constitutional and legal aspect: abstr. diss ... Cand. of Law: 12.00.02*. M., 2008.
13. Vereshchagin E. M., Kostomarov V.G. *Language and culture*. M., 1990.
14. Topilskaya E.E. *Conclusion of linguistic expertise*. Voronezh, September 3, 2012. [electronic resource]. URL: <http://lib.gendocs.ru/docs/146800/index-188.html> (date accessed 06/05/13).
15. Khazagerov T.G., Shirina L.S. *Overall rhetoric: series of lectures and a dictionary of rhetorical figures*. Rostov- n- D, 1994.
16. Topilskaya E.E. *Journalistic text: in the conflict zone*. [electronic resource]. URL: <http://lib.gendocs.ru/docs/146800/index-188.html> (date accessed 05/04/13)
17. Smirnova A.A. *Defamation as an offense and abuse of rights: constitutional and legal aspect: abstract of diss ... Cand. of Law: 12.00.02*. M., 2008.
18. Kostomarov V.G. *Russian language in the newspaper strip*. M., 1971.
19. Kostomarov V.G. *Linguistic taste of the era*. M., 1994.
20. Fedosyuk M. Y. *In what direction did the styles of Russian speech of XX century develop? // Philology and Journalism in the context of culture: materials of Russ. Scient. conf. Issue 4*. Rostov-on-Don, 1998.
21. Pavljuk L.V. *Linguistic knowledge in everyday consciousness // Questions of psycholinguistics*. M., 2008, № 7. P. 36-39.
22. Volkov A.A. *Course of Russian rhetoric*. M., 2001. P. 185-231.
23. Romanenko A.P. *Modern locale in terms of the history of literary language // Russian language: historical destiny and modernity: III International Congress of the Russian language researchers. MSU*, 2007. P. 415.
24. Tolstoy N.I. *Language and culture...* P. 5-23.
25. Khazagerov G.G. *Declarative rhetoric ...* P. 416.